

легаты которого в большинстве были левыми эсерами, был распущен в начале августа 1918 г. В это же время перестала издаваться газета крестьянского губисполкома «За землю и волю». В сложившихся условиях лидеры местной левоэсеровской организации поставили вопрос об уходе в подполье. Таким образом, лишенные возможности вести легальную партийную деятельность, выступать на съездах и отстаивать в прессе свою точку зрения, казанские левые эсеры вынуждены были вести подпольную работу. Позднее по этой причине Н.П. Пономарев был арестован 9 февраля 1919 г., освобожден под подписку, но в марте того же года погиб в перестрелке с агентом ЧК.

Библиографический список

1. Стариков С.В. Левые социалисты в Российской революции, март 1917 – июль 1918 гг. (На материалах Поволжья) дисс. доктор ист. наук: на соиск. уч. ст. Йошкар-Ола, 1997. С.93.

2. Халилова Т.В. Региональное лидерство и политическая культура (на материалах Казанской губернии). Февраль 1917 – июль 1918 гг. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Казань, 2000. С. 252.

3. За землю и волю (Казань). – 1918. – 22 мая.

4. Знамя революции (Казань). – 1918. – 21 июля.

5. Знамя революции (Казань). – 1918. – 13 июля.

6. За землю и волю (Казань). – 1918. – 16 июля.

7. За землю и волю (Казань). – 1918. – 16 июля.

8. За землю и волю (Казань). – 1918. – 16 июля.

9. За землю и волю (Казань). – 1918. – 19 июля.

УДК 94(47).08

А.С. Палкин
УрФУ, г. Екатеринбург

СЛУЧАЙ «ХУЛИГАНСТВА» В ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НЕЙВИНСКО-РУДЯНСКОГО ЗАВОДА В 1861 г.²

Единоверие, усиленно поддерживаемое духовными и светскими властями в годы правления Николая I, прочно укрепилось на религиозной карте Среднего Урала. С началом 1860-х гг. в истории единоверия начался новый период, отличительной особенностью которого было существенное сокращение масштабов административной поддержки. Единоверию предстояло выдержать испытание на прочность в сосуществовании с сильными и самодостаточными старообрядческими обществами.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-Урал «Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX – XX вв.: историко-культурный атлас» №11-01-00317а.

Вообще сложно говорить о понятиях «единоверие» и «единоверец» применительно к 1860-м гг. Даже самые грамотные из единоверцев, осознанно шедшие на союз с официальной церковью, именовали себя «старобрядцами», что уж говорить о малограмотных крестьянах и мастеровых, которые слабо представляли, что такое единоверие, и большей частью были загнаны в новую веру силой.

Граница между старообрядчеством и единоверием на местах была достаточно зыбкой и проходила зачастую «по живому», затрагивая не только отношения в некогда единой старообрядческой общине, но и отношения внутри семьи. Столкновение двух вер, двух точек зрения, нередко приводило к обострению старых конфликтов и появлению новых. В ряде случаев такие конфликты доходили до суда.

Так, в фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК) сохранилось любопытное дело, до сих пор не введенное в научный оборот [1]. Так случилось, что драматические события, описываемые в документе, разыгрались как раз в день подписания Манифеста об отмене крепостного права – 19 февраля 1861 г.

Священник Успенской единоверческой церкви Нейвинско-Рудянского завода³ Антоний Колосов, 20 февраля 1861 г., донес епископу Екатеринбургскому Варлааму (Денисову), что крестьянская дочь Нейвинско-Рудянского завода Дарья Тупикова (старобрядка) по убеждению своего жениха-единоверца Осипа Семенова Русакова изъявила желание присоединиться из раскола к единоверию и вступить в брак «по закону Христианскому» (т.е. повенчаться в единоверческой церкви. – *А.П.*). О своем намерении Дарья объявила священнику единоверческой церкви отцу Антонию. 18 февраля она, по наставлению священника, отправилась в церковь к вечерне, откуда домой не возвратилась. Отец ее, старообрядец Степан Игнатьев Тупиков, полагал, что Дарья осталась ночевать у своей замужней сестры Евдокии Занадворновой (вероятно, также единоверке) [1, л. 24 - 25]; но утром 19 февраля Евдокия пришла навестить его, и выяснилось, что Дарья у нее не ночевала. Степан послал Евдокию узнать, где Дарья. Евдокия, возвратившись, сказала, что Дарья прошлым вечером миропомазана и по приказанию священника провела всю ночь в церкви (что характерно, вместе с женихом! [1, л. 15]), а сейчас за обедней будет принимать Святые Тайны (без предварительного Причастия священник не разрешал венчать) и потом будет обвенчана [1, л. 9 - 10].

Далее, по описанию священника, произошло следующее: 19 февраля служили обедню. Дарья вместе со всеми готовилась к причащению Святых Христовых Таин. «В это время отец ее, раскольник Степан Тупиков, приведенный в церковь дочерью Авдотьей Занадворовой, кричал громко,

³ Успенская единоверческая церковь Нейво-Рудянского завода (68 верст от Екатеринбурга) была построена на средства заводовладельца А.И. Яковлева в 1844 г. и освящена 15 октября того же года; до этого времени здесь была старообрядческая часовня. См.: [2].

чтоб не приобщать дочь его Дарью, а когда священник сказал: «со страхом Божиим и верою приступите», Тупиков бросился на него с палкою, но был удержан крестьянином Акинфием Русаковым (видимо, родственником жёниха Дарьи. – *А.П.*), которого поносил бранными словами и продолжал кричать, во время пения ... к Св. Причащению вместе с крестьянкой Занадворовой, с намерением воспрепятствовать Дарье в причащении Св. Таин...»

Сам же Тупиков придерживался своей версии произошедшего. Прежде всего, он заявил, что Дарья не брала у него благословения вступить в брак с Осипом Русаковым⁴. О намерении дочери перейти в единоверие он знал, а свое появление в церкви объяснял достаточно оригинально. От Евдокии Степан узнал, что у Дарьи «открылось месячное очищение», поэтому приказал отвести его к священнику, чтобы сообщить ему об этом и Святое Таинство отложить. «Придя в церковь и услышав голос отца Антония, тотчас же начал просить священника не допускать его дочь к причащению, на крестьянина Русакова с палкою не бросался и не ругался». А когда полицейский служитель Жирнов приказал ему уйти домой, его взяла за руку дочь Евдокия и они удалились [1, л. 8 – 8 об., л. 9, 10, 11 – 12].

Интересно сравнивать описание одной и той же ситуации со слов священника и крестьянина – старовера. Первый сознательно сгущает краски, явно стараясь выставить нарушение общественного порядка и церковного благочиния упорным «раскольником» в качестве жуткого и необоснованного буйства⁵. Второй же старательно оправдывается, всячески стараясь свести к минимуму «хулиганские» оттенки своих действий. Удивительней всего, что свой приход в церковь он объясняет желанием сохранить ритуальную чистоту Таинства официальной церкви, хотя его, как старовера, этот вопрос должен был волновать меньше всего. Видимо, такой «заботой» об официальной церкви он рассчитывал смягчить грядущее взыскание.

Во время дальнейших допросов выяснились новые подробности скандального дела. По показаниям Дарьи, когда они с мужем остались ночевать в церкви, она «почувствовала месячное очищение и считая себя недостойной принять Св. Тайны, просила мужа своего предупредить об этом священника, что он и исполнил, но священник сказал ему, что грех этот он берет на себя» [1, л. 12 об. – 13, 13 об.]. А здесь удивительно то, что желание единоверческого священника как можно скорее завершить присоединение (присоединение к единоверию должно было завершаться причащением) и совершить венчание (ради которого девушка и решила сменить веру), оказалось сильнее, чем необходимость соблюдения чистоты важнейшего христианского таинства – Причастия!

Надо сказать, что действия батюшки имели под собой веские причины. Дело в том, что последний день, в который можно было венчать браки

⁴ Почему Дарья не получила благословения остается неясным. Возможно, отца не устраивало, что потенциальный зять – единоверец, а может быть, Осип не устраивал его по другим причинам.

⁵ Такое поведение единоверческого пастыря, вероятно, можно объяснить желанием «отыграться», отомстить староверам, которые, как правило, не особо жаловали единоверческих священников.

до Великого поста в 1861 г. приходился на 24 февраля (пятница недели, предшествующей Масленичной, т.н. Пестрой). «Месячное очищение», весьма некстати «открывшееся» 19 февраля, переносило как Причащение (а, значит, и завершение присоединения к единоверию), так и венчание на период после окончания Великого поста – фактически на два месяца. Видимо, священник понимал, что за этот период старообрядческое окружение Дарьи постарается сделать все возможное, чтобы не допустить ее перехода в «никонианство».

По версии Дарьи, отец спокойным голосом просил священника не причащать ее до Великого поста, а с палкой ни на кого не бросался и никого не ругал. Священник по окончании молитвы приказал кому-то его вывести. По показаниям Акинфия Яковлева Русакова Тупиков не бросался на него с палкой, а говорил «обыкновенным голосом». Видимо, после свершившегося бракосочетания (вероятно, оно все-таки состоялось 19 февраля, поскольку в документах следствия Дарья проходит под фамилией Русакова) [1, л. 12 об. – 13] непокорная дочь и новоприобретенный родственник примирились со Степаном Тупиковым и дали показания в его защиту. Другие свидетели – прихожане единоверческого храма (не родственники новобрачных) – на допросах говорили, что Тупиков с Евдокией вели себя «довольно громко», но бранных слов не произносили, и палкой он не махал [1, л. 14, 18 – 18 об., 19 об. – 21 об.]. Таким образом, они также встали на защиту старовера, почти напрямую противореча показаниям своего священника.

Дело было передано в Екатеринбургский уездный суд, который постановил Степана Тупикова, 56 лет, подвергнуть 60 ударам розгами; Евдокию Занадворнову, 27 лет, подвергнуть 50 ударам, а также взыскать с них 14 руб. 24,5 коп. за прогоны следователю. Поступок священника Антония Колосова, оставившего ночевать в церкви жениха и невесту (чем и был спровоцирован приход «раскольника»), направить на рассмотрение духовному начальству [1, л. 24 – 25.]. Чем закончилось дело, возбужденное вследствие поступка о. Антония, к сожалению, неизвестно.

Однако обвиняемым «хулиганам» в какой-то мере повезло (возможно, сыграли свою роль показания свидетелей). Пермская судебная палата вынесла свое решение по этому делу: Тупикову было назначено наказание в 25 ударов розгами (хотя ему грозил арест до 1,5 месяцев), деньги взыскать с него лично, а Занадворнову от суда освободить (возможно, вследствие ее принадлежности к единоверию) [1, л. 28].

К сожалению, имеющиеся в документах дела сведения, не позволяют в деталях оценить конфессиональную ситуацию, сложившуюся в Нейво-Рудянском заводе. За пределами досягаемости историка остаются межличностные отношения, отношения между фигурирующими в деле семьями и т.д.

С уверенностью можно сказать лишь то, что распространение единоверия в николаевское время было важным фактором, серьезно усложнив-

шим взаимоотношения в ряде некогда относительно единых старообрядческих общин не только в период антистарообрядческих репрессий, но и после него. В то же время 1860-е гг. были ознаменованы новыми тенденциями в отношениях правительства со старообрядческим миром, которые привели к постепенному сходу на нет «единоверия поневоле».

Библиографический список

1. Государственный архив Пермского края. Ф. 177. Оп. 1. Д. 777.
2. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 591-592.

УДК 94(47).083(470.51/54)

Д.Ю. Пухов
УГЛТУ, Екатеринбург

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКИХ КАЗЕННЫХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ОКРУГАХ В НАЧАЛЕ XX в.

В научной литературе уже затрагивались различные аспекты истории уральского горнозаводского лесного хозяйства начала XX в. Наиболее основательно эта проблематика разрабатывалась К.С. Семеновым, А.В. Дмитриевым и Н.Н. Черновым. Некоторые составляющие деятельности регионального горно-лесного хозяйства показаны, в частности, в работах Б.С. Петрова, А.Ф. Кузнецова и М.Ф. Маслюкова, просвещенных истории лесной промышленности. Тем не менее, далеко не весь источниковый материал по данной теме включен в научный оборот, что обуславливает необходимость дальнейших исследований с целью формирования комплексной картины функционирования лесного ведомства в регионе.

В начале XX в. уральская горно-металлургическая промышленность по-прежнему находилась в зависимости от наличия лесных ресурсов, запасы которых, несмотря на тенденцию к сокращению, оставались весьма значительными. В 1913 г. площадь горнозаводских лесов Урала составляла 8 600 700 дес. (9 391 964 га). На долю казенных заводов приходилось 20,6 % этих лесов (1 773 698 дес. или 1 936 874 га), посессионных – 17,6 % (1 512 192 дес. или 1 651 314 га), частновладельческих – 60,7% (5 224 000 дес. или 5 704 608 га) [1].

В годовых отчетах лесного отделения Уральского горного управления отражены объемы и структура лесозаготовок в дачах казенных заводов. Масштабы эксплуатации этой части уральских лесов можно проиллюстрировать данными за 1901 г. (табл. 1).